

И.Э. Магадеев*

**«ВТОРАЯ ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА» 1914–1945 ГГ.?
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕ
НА ПУТИ КО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

*Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

Статья посвящена критическому анализу концепции «Второй тридцатилетней войны», которая активно используется в западной историографии для характеристики международных отношений в 1914–1945 гг. Автор отмечает, что в настоящий момент в исторической науке так и не сложилось сколько-нибудь четкого определения этой концепции. Стремясь восполнить этот пробел, в первой части статьи автор обращается к изучению истории возникновения концепции «Второй тридцатилетней войны» и ее отдельных интерпретаций, выделяя два крупных подхода к определению ее сущности: политический и экономический. В первом случае в центре внимания оказываются перипетии международных отношений межвоенного периода, во втором — экономические аспекты послевоенного урегулирования. Во второй части статьи ставится задача на основе анализа ключевых тенденций развития международных отношений в 1920–1930-х годах выявить и оценить эпистемологический потенциал каждого из этих подходов. В центре внимания оказываются такие сюжеты, как Локарнские соглашения 1925 г. и попытки создания системы коллективной безопасности в Европе, проблемы военно-стратегического планирования и послевоенного экономического развития. Автор заключает, что в настоящий момент использование обеих трактовок концепции «Второй тридцатилетней войны» ведет к неоправданному упрощению крайне противоречивых тенденций развития международных отношений в межвоенный период, однако в то же время основная идея, заложенная в этой концепции, — о необходимости осмысления периода двух мировых войн как особого, внутренне единого исторического феномена — является весьма перспективной, открывая дорогу для «глобальных», междисциплинарных исторических исследований.

* *Магадеев Искандэр Эдуардович* — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и политики стран Европы и Америки факультета международных отношений МГИМО (У) МИД РФ (e-mail: iskander2017@yandex.ru).

Ключевые слова: Вторая мировая война, «Вторая тридцатилетняя война», межвоенный период, Версальский мирный договор, Локарнские соглашения, период стабилизации, У. Черчилль, Великая депрессия, политика умиротворения, военно-политическое планирование.

Спустя 70 лет после окончания Второй мировой войны вопросы о ее истоках, причинах, генезисе и последствиях продолжают активно обсуждаться как в научной литературе, так и в общественно-политических дискуссиях в самых разных странах. Грань между двумя сферами при этом весьма зыбкая: научные концепции влияют на общественные настроения по данному вопросу, в то время как социальные и политические запросы нередко «стимулируют» исследователей на развитие идей в том или ином направлении.

Одним из весьма распространенных вариантов осмысления того, как Европа пришла от Первой мировой войны к новому, еще более разрушительному конфликту, является концепция «Второй тридцатилетней войны» (1914–1945). Используемая еще современниками рассматриваемых событий в 1930-е годы (без упоминания конкретных дат), а затем популяризованная У. Черчиллем в послевоенных мемуарах, сегодня она востребована рядом историков [Kershaw, 2005; Schultze-Rhonhof, 2006], упоминается политиками [см., например, слова британского дипломата Р. Купера: Pond, 2002: 272; а также: Chevènement, 2014: 133], встречается на страницах качественной прессы¹.

Цель статьи — опираясь на критический анализ и разбор данной концепции, выявить ряд глубинных тенденций в развитии международных отношений в Европе на пути ко Второй мировой войне.

Актуальность данной работы определяется как продолжающимися дискуссиями о причинах Второй мировой войны, так и распространенностью концепции «Второй тридцатилетней войны». В начале XXI в. исследования по, казалось бы, уже всесторонне изученной проблематике истоков крупнейшего вооруженного конфликта в истории человечества продолжают выходить в свет и привлекать внимание научной и более широкой общественности [Наумов, 2007; Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков, 2009; Мюнхенское соглашение 1938 года, 2009; The origins of World War Two, 2003; Wright, 2007]. Стоявшие в центре зарубежных работ в 1960–1980-е годы [The origins of the Second World War reconsidered, 1986] дискуссии вокруг ревизионистской концепции британского историка А. Тейлора [Taylor, 1961],

¹ Wehler H.-U. Der zweite Dreißigjährige Krieg // Spiegel special. 2004. No. 1. S. 138–143.

представлявшего политику А. Гитлера как достаточно рациональную и весьма осторожную, не нацеленную на подготовку войны, постепенно отходят на второй план на фоне общего консенсуса о первоочередной ответственности гитлеровской Германии за развязывание Второй мировой войны [Weinberg, 2010]. Вместе с тем в некоторых ревизионистских исследованиях концепция «Второй тридцатилетней войны» используется в качестве средства оправдания гитлеровской политики как якобы объяснимой «постыдным Версальским мирным договором» [см. об этом: Echternkamp, 2013: 195].

Помимо определенного ревизионистского потенциала востребованность указанной концепции в современной историографии имеет и иные причины. В поисках преодоления традиционных тематических и исследовательских границ (одни авторы занимаются Первой мировой войной, другие — Второй, третьи — межвоенным периодом и т.п.), стремясь к написанию «глобальной» и «транснациональной» истории, ученые разных стран ищут концептуальные инструменты для осмысления периода 1914–1945 гг. как единого целого. Наряду с его трактовкой как «века тотальной войны» [см., например: *A world at total war*, 2005] концепция «Второй тридцатилетней войны» также позволяет, с точки зрения ряда авторов, выявить взаимосвязь между Первой и Второй мировыми войнами [Patel, 2007: 111], акцентировать уникальность данного периода как «эпохи катастроф» [Хобсбаум, 2004: 15].

Изучение концепции «Второй тридцатилетней войны» важно и в русле продолжения и углубления идей некоторых современных исторических работ, демонстрирующих влияние на послевоенную историографию моделей и образов, которые были сформулированы и созданы свидетелями рассматриваемых событий. Среди таких работ выделяется фундированное исследование крупного британского историка Д. Рейнольдса [Reynolds, 2005], посвященное анализу мемуаров У. Черчилля о Второй мировой войне, которые определили целый ряд дальнейших трактовок событий 1939–1945 гг. в англо-американской историографии. Как будет показано далее, У. Черчилль «приложил руку» и к концепции «Второй тридцатилетней войны». Из новейших исследований этой концепции можно назвать лишь недавнее эссе германского историка Й. Эхтернкампа, написанное главным образом на основе изучения немецких материалов [Echternkamp, 2013; см. также: Medick, 2010: 47–49].

В отечественной литературе данная концепция менее востребована, чем на Западе. В советскую эпоху особое значение придавали 1917 году как рубежной дате в истории человечества, что противоречило идее об органической цельности периода 1914–1945 гг.; подчеркивали радикальные различия между войнами 1914–1918 гг.

(«империалистическая») и 1941–1945 гг. («Великая Отечественная») и др. В современных российских общественно-политических работах присутствуют упоминания о «Второй тридцатилетней войне»², однако в академических кругах подобная концепция используется реже, чем в зарубежной литературе.

Несмотря на распространенность концепции на Западе, в историографии практически отсутствуют подробные исследования ее генезиса, внутренней структуры и логики. Показательно, что встречающиеся определения понятия «Вторая тридцатилетняя война» нередко весьма абстрактны (например: «продолжавшаяся в различных комбинациях борьба, принимавшая идеологическую, дипломатическую и военную формы и выразившаяся в двух эпизодах всеобщей войны» [Lagrou, 2007: 84–85]). Критический разбор концепции «Второй тридцатилетней войны» с выявлением следствий, вытекающих из нее, определяет новизну данной статьи. Хотелось бы также подчеркнуть, что в работе исследуются сюжеты из двух нередко разводимых в разные стороны направлений исторических штудий (история идей и история международных отношений), привлекается ряд свежих оценок из британских, американских и российских архивов, обращается внимание на некоторые дискуссионные и проблемные точки в современной историографии истоков и причин Второй мировой войны.

* * *

Ощущение хрупкости и непрочности мира, установленного договорами 1919–1920 гг., было характерно для многих современников. Большие надежды на изменение ситуации в свое время связывали с Локарнскими соглашениями 1925 г.: британский государственный деятель А. Бальфур даже писал одному из главных творцов соглашений О. Чемберлену: «Великая война закончилась в ноябре 1918 г. Великий мир начался лишь в окт[ябре] 1925 г.» [цит. по: Dutton, 1985: 230]. Однако к середине 1930-х годов подобный оптимизм постепенно сходил на нет. Неслучайно первые упоминания о «Второй тридцатилетней войне» относятся именно к этому времени. В 1935 г. американский экономист А. Фейлер, критикуя наступившее после 1918 г. время «экономического национализма», подчеркивал: «...мы до сих пор живем во вторую тридцатилетнюю войну, и экономический национализм, развивающийся сегодня во всем мире, в основе своей — результат этой войны, которая до сих

² Голяндин А. Вторая тридцатилетняя война: [из истории Первой мировой войны] // Знание — сила. 2004. № 8. С. 87–94; Ясин Е. Заметки по российской истории // Вестник Европы. 2014. № 40–41. Доступ: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2014/40/19ya.html> (дата обращения: 22.12.2014).

пор длится»³. Отметим, что подобные представления были напрямую связаны с оценкой экономической, а не политической ситуации в мире.

В дальнейшем, однако, интерпретация именно международно-политических событий после 1939 г. стимулировала развитие концепции в ее классической форме. Одним из политических деятелей, особенно часто использовавших ее, был генерал Ш. де Голль. Уже в ноябре 1941 г., обращаясь к аудитории в Оксфордском университете, он искал среди присутствовавших будущих историков «нашей тридцатилетней войны»⁴. Генерал не раз использовал это понятие и в дальнейшем⁵, вкладывая в него явное антигерманское содержание. Для де Голя речь шла о тридцатилетнем противоборстве с германской угрозой, так и не ликвидированной после Первой мировой войны и заявившей о себе снова. В марте 1944 г., выступая перед Консультативной ассамблеей в Алжире, генерал подчеркнул: «В тридцатилетней войне, которую тирания с 1914 [г.] ведет против свободы, Франция уже не однажды спасала мир — и на Марне, и под Верденом, и, наконец, в 1918 [г.] благодаря неукротимой энергии [таких] людей, как Пуанкаре, Клемансо и Фош»⁶.

Основной посыл о германской угрозе, не ликвидированной с 1914 г., был характерен и для У. Черчилля. Во многом именно благодаря ему, талантливому и плодовитому писателю, концепция «Второй тридцатилетней войны» приобрела в последующем такую популярность. Одно из ее ранних упоминаний британским премьер-министром также относится к военному времени. В феврале 1944 г. У. Черчилль писал в личном послании И.В. Сталину о том, что рассматривает «эту войну против германской агрессии как одно целое и как тридцатилетнюю войну, начавшуюся в 1914 году...»⁷. Идея, по всей видимости, понравилась У. Черчиллю: в 1948 г. он повторил ее в предисловии к первому тому своих мемуаров⁸ (именно на него историки в основном и ссылаются, упоминая понятие «Вторая тридцатилетняя война»), а также в немаловажной

³ Feiler A. Economic nationalism // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1935. Vol. 180. No. 1. P. 205.

⁴ Голль Ш. де. Военные мемуары: Призыв. 1940–1942. М.: АСТ, 2003. С. 661.

⁵ Он же. Военные мемуары: Спасение. 1944–1946. М.: АСТ, 2004. С. 444, 462, 511, 698.

⁶ Он же. Военные мемуары: Единство. 1942–1944. М.: АСТ, 2003. С. 632.

⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 203.

⁸ Churchill W.S.C. The Second World War. Vol. 1. Boston: Houghton Mifflin Company, 1948. P. xiii.

речи, произнесенной на Европейском конгрессе в Гааге. Показательно, однако, что в последнем случае от антигерманской направленности самой концепции уже не осталось и следа. У Черчилля упоминал о разрушительной «Второй тридцатилетней войне» только для того, чтобы подчеркнуть, что «человечество нуждается в покое и стремится к нему»⁹.

По всей видимости, независимо от указанных авторов к аналогичной интерпретации периода 1914–1945 гг. пришел и германский политолог З. Нойман в своей работе 1946 г.¹⁰ Характерной чертой использования понятия «Вторая тридцатилетняя война» З. Нойманом, вынужденным эмигрировать из Германии после прихода нацистов к власти, было стремление подвести черту под ужасающим по своей разрушительности периодом в истории. В целом непосредственно после окончания Второй мировой войны термин настолько прижился, что даже выносился в название некоторых книг [Muller, 1947]. В последующем весомости ему придавал и тот факт, что его использовали столь маститые авторы, как французский политолог Р. Арон¹¹ и американский историк А. Майер [Mayer, 1988].

Несмотря на достаточно широкую распространенность термина, авторы редко раскрывали точное содержание, вкладываемое в него, и нечасто соотносили свои точки зрения с другими исследователями, употреблявшими то же понятие. На деле за общей формулировкой скрывается палитра оценок с разными акцентами и особенностями, обусловленная тем, что само историческое содержание периода 1914–1945 гг. было различным для разных европейских государств. В германской историографии нередко данный период анализируют как результат неверного выбора, сделанного Германией из двух базовых внешнеполитических опций («единоличное и агрессивное утверждение своей мощи» / «положение привилегированного союзника»), которые открылись перед ней еще в 1871 г. [см. об этом: Müller, 1990]. Ракурс ряда англо-американских историков иной: две мировые войны стали событиями, «ограничившими, а в конце концов уничтожившими (в 1945 г., но не в 1918 г.) германскую мощь и влияние» [Gray, 2007: 99]. Во Франции, для которой опыт 1914–1918 и 1939–1945 гг. кардинально различался (упорная борьба и победа в первом случае, поражение и оккупация во втором), историки нередко скептически относятся к идеям «Второй тридцатилетней войны», считая, что анализ 1914–1945 гг. как

⁹ Churchill's speech at the Congress of Europe, May 7, 1948. Доступ: <http://www.churchill-society-london.org.uk/WSC Hague.html> (дата обращения: 25.11.2014).

¹⁰ Neumann S. The future in perspective. New York: G.P. Putnam's Sons, 1946.

¹¹ Aron R. Mémoires. Paris: Julliard, 1983.

единого и цельного периода больше затуманивает, нежели высвечивает исторические реалии [см. об этом: Broch, Carrol, 2014: 4–5].

Помимо страновых существуют и важные концептуальные различия в трактовках «Второй тридцатилетней войны». Первая группа авторов, во многом продолжая традицию, идущую от Ш. де Голля и У. Черчилля, акцентирует преемственность двух мировых войн, считая, что ключевой вопрос, решавшийся в ходе обоих противостояний, был таков: «...будет ли наиболее сильное государство в Европе — Германия — доминировать над другими»? [Martel, 2001: 14]. Французский политолог Т. де Монбриаль готов пойти еще дальше, делая предположение о том, что, «возможно, будущие историки станут рассматривать войны 1870–1871, 1914–1918 и 1939–1945 гг. как три эпизода одного конфликта, начатого с возникновения Германской империи» [Montbrial, 2002: 127]. Вторая группа исследователей, используя то же понятие «Вторая тридцатилетняя война», на деле развивает совершенно иной тезис: истоки Второй мировой войны следует искать в окончании Первой не потому, что германская угроза не была должным образом ликвидирована, а в силу того, что «унизительный» и «неоправданно» жестокий Версальский договор 1919 г. спровоцировал германский ревизионизм и приход Гитлера к власти [Schultze-Rhonhof, 2006]. Подобная идея разделяется и рядом отечественных историков, не склонных говорить о «Второй тридцатилетней войне», но полагающих, что «материальные причины конфликта Германии с Западом [были] заложены именно в Версале» [Ахтамзян, 2009: 19]. Наконец, третья группа авторов во многом продолжает развивать экономическую трактовку периода 1914–1945 гг., популярную уже среди современников событий. Критике подвергается «экономический национализм» [Crouzet, 2000: 285], перенесение государствами «военной логики» в сферу торгово-экономических и финансовых отношений в годы Великой депрессии. Как отмечено в недавнем томе «Кембриджской экономической истории современной Европы», «эра, длившаяся с 1914 по 1945 г., была эрой войн, деглобализации, депрессии: “Второй тридцатилетней войной”, в ходе которой Европа была разорвана на части. После нее она никогда не вернет себе былого превосходства в мировой политике. <...> истоки экономической катастрофы межвоенного времени и тем самым и Второй мировой войны могут быть обнаружены в многочисленных национальных и международных смещениях, вызванных войной 1914–1918 гг.» [Broadberry, O'Rourke, 2010: 1]. Подобные смещения, помимо прочего, напрямую связываются с «крайне неразумным послевоенным урегулированием» [Feinstein et al., 2008: 179]. Нередко авторы развивают эти трактовки в отношении не столько межвоенного

времени, сколько событий после 1945 г. Среди ключевых последствий периода 1914–1945 гг. рассматривают потерю глобального лидерства Европой, усиление США и СССР, интеграционную политику в Европе как попытку избежать ошибок прошлого [Feinstein et al., 2008: 181].

В современной исторической и политологической литературе понятие «Вторая тридцатилетняя война» нередко подвергают критике. Среди ее основных пунктов: серьезное, а по ряду пунктов — фундаментальное различие между политикой Германской империи и гитлеровской Германии [Kramer, 2007: 328, 336]; невозможность рассматривать весь межвоенный период лишь как путь ко Второй мировой войне, приравнивать международное развитие в 1920-е годы к процессам 1930-х годов [Gray, 2007: 99–100]; относительная гибкость Версальского урегулирования, наличие в его рамках различных путей для развития, ведущих не только к изоляции Германии и росту ее ревизионизма [Dessberg, 2013]. Некоторые исследователи даже полагают, что «возрождение реваншизма, угар национализма и зарождение нацистской идеологии связано вовсе не с жесткими условиями Версальского мира, а с тем, что эти условия вскоре вообще перестали соблюдаться» [Шацилло, 2011: 39].

Несмотря на всю неоднородность концепции «Второй тридцатилетней войны», в рамках ее политической трактовки можно выделить три ключевые идеи: предопределенность Второй мировой войны «Великой войной» 1914–1918 гг. и мирным урегулированием после нее; межвоенные десятилетия как «перемирие» и череда неудачных попыток достижения международной стабильности; приоритет германской угрозы на протяжении всего рассматриваемого периода. В экономической трактовке выделим два тезиса: шок Первой мировой войны не только не был сглажен, но во многом усугублен Версальскими урегулированием; доминирование неэкономических принципов и методов в торговых и финансовых отношениях между государствами («экономический национализм» и др.) стало важным фактором в развитии Великой депрессии, а следовательно, Второй мировой войны и снижения роли Европы в мире. В следующей части статьи мы рассмотрим, какие элементы концепции «Второй тридцатилетней войны» адекватно описывают особенности международных отношений в Европе в межвоенный период, а какие — нет.

* * *

Как показал в свое время крупный французский историк Ж. Барьети [Bari ty, 1977], Версальский договор — «продолжающееся творение» — изначально не был чем-то «застывшим» и статичным:

он содержал в себе целый ряд «проектов» («металлургический», «речной» и др.), судьба которых напрямую зависела от дальнейшего развития международной ситуации, в первую очередь от характера отношений между Францией и Великобританией (учитывая отказ США от ратификации договора в 1920 г.). Исследователя поддерживает и авторитетный современный историк Ж.-А. Суту: договор «оказался более гибким, чем об этом говорили ранее» [Soutou, 2007: 85]. Уже Локарнские соглашения 1925 г., британский путь к которым проходил под слова О. Чемберлена о том, что «мы должны вернуть Германию обратно в европейский концерт» (смягчив при этом «французские страхи») [цит. по: Grayson, 2013: 31], обозначили серьезное изменение в позиции Германии в Европе. Франция и Великобритания, бывшие союзники по Антанте, уже не диктовали ей свою волю, а стремились к совместному принятию решений; их требования по скрупулезному выполнению всех пунктов разоружения смягчились; Германия была принята в Лигу Наций; начался вывод войск из первой оккупационной зоны на левом берегу Рейна. Развитием локарнской политики стали и последующие послабления в отношении Германии: досрочный вывод всех оккупационных войск (в 1930 г. вместо 1935 г.), ликвидация контроля за германским разоружением на местах. В начале 1930-х годов дальнейшее развитие ситуации в Европе виделось многим политикам как продолжение пути по мирной ревизии Версальского договора. В 1931 г. даже заместитель британского министра иностранных дел Р. Ванситтарт, пользовавшийся в последующем славой антигермански настроенного политика («наиболее крайний германовед», по словам М.М. Литвинова в годы войны¹²), отмечал: «В моей голове уже давно родилась мысль о том, что ничего кроме ревизии [Версальского] договора не позволит Европе надолго успокоиться и договориться»¹³.

Иными словами, к моменту прихода Гитлера к власти Германия, вопреки нацистской пропаганде, отнюдь не находилась под «диктатом» Версальского договора 1919 г., в европейских столицах были готовы и к его дальнейшей ревизии. История не терпит сослабительного наклонения, но можно предположить, что наличие оккупационных войск Франции на левом берегу Рейна вплоть до 1935 г. (как значилось в Версальском договоре) могло серьезно скорректировать гитлеровское ревизионистское «расписание».

¹² СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1. М.: Международные отношения, 1996. С. 288.

¹³ CP 317 (31), An Aspect of International Relations in 1931 by Vansittart, May 1931 // The National Archives of Great Britain (TNA), Cabinet Office (CAB) 24/225.

Нацисты успешно использовали лозунг о «диктате» Версаля для усиления своего влияния и последующего прихода к власти, однако в реальности складывалась иная ситуация: после 1919 г. был проделан немалый путь в сторону смягчения договора, что облегчило нацистскому руководству политику его дальнейшей ревизии. Другое дело, что восприятие Версальского урегулирования как унижения многими гражданами Германии сохранялось, несмотря на изменения в международной ситуации. В 1944 г., оглядываясь на межвоенный период, германский коммунист А. Аккерман констатировал: «Широчайшие массы не желают возвращения к Веймару, ибо он связан для них с представлением о величайшей социальной обездоленности и глубоком национальном унижении»¹⁴.

В дискуссиях вокруг идеи о том, что истоки Второй мировой войны — в неудачном Версальском договоре, завершившем Первую мировую (эта идея является одной из важных составных частей концепции «Второй тридцатилетней войны»), нередко обходят вниманием один немаловажный факт. Многих авторов, развивающих тезис о порочности версальских договоренностей, сложно заподозрить в симпатиях к политике умиротворения Германии [см., например: Ахтамзян, 2009]. Однако в исторических реалиях 1930-х годов данный тезис как раз и был одним из излюбленных доводов сторонников подобной политики, инструментом ее обоснования, в том числе в кругах Госдепартамента США. В 1937 г. заместитель государственного секретаря С. Уэллес подчеркивал в публичном выступлении, что «несправедливый и ложный фундамент» Версальского договора сделал побежденные державы «странами второго сорта» и стал «главной причиной последовавшего после мировой войны хаоса» [цит. по: Ермакова, 2014: 251]. 1 сентября 1938 г., в разгар Мюнхенского кризиса, помощник государственного секретаря А. Берли в личном меморандуме для президента Ф. Рузвельта был еще более откровенен. Спокойно размышляя о возможном присоединении к Германии немалой части бывшей Австро-Венгерской империи, А. Берли отмечал: «Кратко говоря, наши эмоции заслоняют очевидный факт, что будь действующее лицо иное, чем Гитлер с его жестокостью и антисемитизмом, мы восприняли бы это просто как восстановление старой системы, ликвидирующее ошибочную деятельность Версаля и следующее логике истории. <...> Я сомневаюсь, что происходящие события приведут к всеобщей войне; однако, если это произойдет, вряд ли Европа исчезнет или

¹⁴ Записка Аккермана «На какие силы может опереться последовательно демократическое движение в Германии» [1944 г.] // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0512. Оп. 4. П. 17. Д. 101. Л. 2–3.

великая Германия, одержавшая успех [в войне], будет все время представлять собой столь омерзительную картину, как сегодня. Я отвергаю идею о том, что наше вмешательство приведет к иному результату, нежели в прошлый раз»¹⁵ (имеется в виду Первая мировая война).

Таким образом, тезис о дефектности Версальского договора в своей крайней форме служил для ряда политиков в 1930-е годы оправданием действий гитлеровской Германии. Этот факт свидетельствует не только о неоднозначности самого тезиса (его использовали и сторонники, и критики политики умиротворения), но и о необходимости более развернутых и детализированных его формулировок, выявления всех следствий, вытекающих из него (что встречается отнюдь не всегда). Дискуссии в историографии в этом смысле вновь пересекаются со спорами в исторической реальности: вопрос о том, насколько можно пересмотреть Версальский договор, не разрушив стабильности в Европе, и был, по сути, центральным для международных отношений между Локарно и Мюнхеном.

Можно констатировать, что ревизионистская политика Гитлера после 1933 г. демонтировала не систему, сложившуюся в 1919 г. и оставшуюся неизменной, а серьезно эволюционировавший порядок, основанный на частичной и постепенной ревизии Версальских постановлений при все большей «интеграции» Германии в него (проект «Федерального европейского союза» А. Бриана 1929–1930 гг.). Так, исследователи расходятся в оценках стабилизации, достигнутой после Локарнских соглашений 1925 г., однако мало кто сегодня готов утверждать, что они были «началом подготовки Второй мировой войны» [Карой, 1961: 3]. Иными словами, период 1925–1933 гг. неизбежно выбивается из логики развития международной ситуации, если понимать ее как простой путь от Первой ко Второй мировой войне. Это делает проблематичным простое вынесение его за скобки в рамках идеи о «Второй тридцатилетней войне».

Принципиально важно отметить и иное. Международный порядок в Европе в той форме, в которой он сложился к началу 1930-х годов, был не просто механическим отражением результатов Первой мировой войны, закрепленных в Версальском договоре, — в немалой степени он стал итогом сознательных политических решений, мотивированных осмыслением уроков этого конфликта. Как утверждает российский историк Е.В. Романова, «чем дольше продолжалась война, тем более мощной становилась тенденция отрицания

¹⁵ Berle A.A., Jr. Memorandum to the President, September 1, 1938 // Franklin D. Roosevelt Presidential Library (FDRL), The President's Secretary File (PSF), Box 72.

принципов, на которых базировалась старая система международных отношений» [Романова, 2014: 447]. Создание «жестких» военных союзов, гонка вооружений, тайная дипломатия — все это воспринималось многими после 1919 г. как «старые» методы мировой политики, от которых необходимо отказаться, заменив их системой коллективной безопасности в рамках Лиги Наций и разоружением. В условиях войн, влекущих за собой колоссальные разрушения, этот путь рассматривался представителями прежде всего либерального и левого спектров общественного мнения западных стран как единственный залог сохранения европейской цивилизации.

Например, британский историк П. Джексон наглядно продемонстрировал на примере внешней политики Франции в первой половине 1920-х годов [Jackson, 2013], что ставка Парижа на коллективную безопасность (Женевский протокол 1924 г. и др.) стала результатом не только неудачных попыток оформить двусторонние гарантии безопасности с Великобританией, но и анализа событий, приведших к войне. Мысль о том, что военно-политические союзы эпохи до 1914 г. в долгосрочной перспективе могут служить фактором войны, а не безопасности; убежденность в том, что необходимо построить международные отношения на новых основаниях, отличных от «силовой политики» прошлого, — все это были в «локарнский период» не просто абстрактные идеи, а концептуальные основы, определявшие деятельность Кэ д'Орсе [Duroselle, 1979]. Подобные настроения были и в Великобритании — как среди политического руководства (в особенности среди лейбористов), так и в широких общественных кругах¹⁶.

Парадокс, однако, заключался в том, что негативная оценка развития ситуации в мире до 1914 г. не только стимулировала поиск механизмов обеспечения коллективной безопасности, но и использовалась как аргумент в пользу крайне осторожной политики в отношении Германии. Влиятельный сотрудник Форин Офиса О. Сарджент и глава центральноевропейского департамента Р. Виграм призывали в 1935 г. к новым попыткам договориться с Германией и вернуть ее в Лигу Наций, так как «британское общество будет ожидать подобной попытки до того, как начнется интенсивное перевооружение или умножатся оборонительные пакты, которые в ныне формирующихся условиях в Европе вскоре будут мало отличаться от того, что Германия называла до войны политикой “окружения”»¹⁷ [цит. по: Neilson, 2006: 152].

¹⁶ CC I (29), 21st January 1929 // TNA, CAB 23/60.

¹⁷ Термин «окружение» (Einkreisung), активно использовавшийся в довоенной германской публицистике, обозначал британскую политику по укреплению свя-

Де-факто неудачные попытки создать систему коллективной безопасности облегчили осуществление внешнеполитических целей гитлеровской Германии. Не сумев реализовать систему безопасности на новых началах, западные страны оказались не в силах использовать и старые методы. Показательна в этом смысле судьба советско-французского договора о взаимопомощи от 2 мая 1935 г. Будучи, на первый взгляд, воплощением одной из классических европейских комбинаций — советско(российско)-французское сближение на антигерманской основе, — на деле он оказался изначально во многом выхолощенным. Уже в ноябре 1935 г. П. Лаваль, министр иностранных дел, подписавший договор, открыто делился с советским полпредом во Франции В.П. Потемкиным своими мыслями о том, что советско-французское сотрудничество «не только не гарантирует безопасности в Европе», но и создает угрозу «политике мира», якобы проводимой П. Лавалем [цит. по: Carley, 2006: 317]. Советская сторона также не питала по поводу союза каких-либо иллюзий. Еще в апреле 1935 г. нарком по иностранным делам СССР М.М. Литвинов писал в Политбюро ЦК РКП(б) о том, что «не стоит возлагать на пакт серьезных надежд в смысле действительной военной помощи в случае войны. Наша безопасность по-прежнему остается исключительно в руках Красной Армии. Пакт для нас имеет преимущественно политическое значение...» [цит. по: Наринский, 2003: 73]. И.В. Сталин не был полностью согласен с такой точкой зрения, но в кругах НКВД на соглашение с Францией смотрели скептически. В чести французов сомневались и советские военные. Посетивший Париж в конце 1936 г. глава Осоавиахима комкор Р.П. Эйдеман вынес следующее впечатление: «...французы боятся открыто демонстрировать свои взаимоотношения с нами. Их дружба с нами старательно засекречивается, как неприятная болезнь»¹⁸.

Проблема усугублялась и тем, что соглашение Франции с СССР не только не было прочным изнутри, но отнюдь не гармонировало и с франко-польским союзом. Начальник 2-го (разведывательного) бюро французского Генштаба полковник М.-А. Гоше из разговора со своим польским коллегой в мае 1936 г. так суммировал настроения Варшавы: «В случае войны с Германией российская помощь нежелательна. Даже при отчаянной ситуации, когда германское

зей с континентальными европейскими державами (ассоциировалась прежде всего с дипломатией Эдуарда VII). В последующем применялся Гитлером для характеристики в том числе французской политики по созданию союзов в «тылу» Германии (с Польшей, Чехословакией и др.).

¹⁸ Эйдеман — Молотову, 13 декабря 1936 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1028. Л. 33.

наступление дойдет до Варшавы, Польша ни за какую цену не хочет быть обязана своим спасением России; более того, она будет стремиться вооруженным путем отбить все поползновения подобного рода»¹⁹. В целом можно констатировать, что еще до Мюнхенского кризиса 1938 г., когда Франция «сдала» своего союзника Чехословакию, и Московских переговоров 1939 г., где вопрос о проходе советских войск через Польшу стал одним из камней преткновения, в системе союзов в Европе наблюдались серьезные внутренние проблемы.

Отсутствие относительно прочной системы союзов кардинально отличало стратегическую ситуацию в канун Второй мировой войны от положения дел перед 1914 г. Нередко в политологической литературе наличие системы союзов, которая «сужает многополярность до двух враждебных блоков», рассматривают как один из необходимых факторов начала мировой войны [Vasquez, 1993: 248]. Однако в конце 1930-х годов ситуация во многом была обратной: именно отсутствие коалиции, готовой противостоять Германии и ее сателлитам, дало германскому руководству возможность сначала провести масштабную ревизию Версальского порядка, а затем и успешно начать войну. Как позже, в августе 1941 г., И.В. Сталин писал послу И.М. Майскому в Лондон, «гитлеровцы хотят бить своих противников поодиночке — сегодня русских, завтра англичан»²⁰. Фактически складывание двух противостоявших друг другу блоков произошло только в 1941 г., когда война перестала быть европейской и вышла на мировые просторы (хотя нельзя не отметить, что японская агрессия против Китая началась еще в 1937 г.). Можно согласиться с подразумеваемым в концепции «Второй тридцатилетней войны» тезисом о потере Европой глобального лидерства как следствии событий 1914–1945 гг. В 1941 г., когда действенная антигитлеровская коалиция начала складываться, международная ситуация уже серьезно изменилась: «...из мира, в котором правила Европа, происходил постепенный переход к миру, где новопришедшие государства, Соединенные Штаты, СССР, Япония, нарушали традиционный расклад игры» [Girault, Frank, 2004: 9].

Одним из немаловажных факторов, приведших к отсутствию к концу 1930-х годов прочной коалиции, противостоявшей Германии, были различия великих держав в оценке стратегической ситуации. Германскую угрозу отнюдь не все рассматривали как главную в 1930-е годы. Причины тому были разнообразны. Неопределен-

¹⁹ Оубл. в: *Revue d'études comparatives Est — Ouest*. 1991. Vol. 22. No. 4. P. 133.

²⁰ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 114.

ная стратегическая обстановка, наличие угроз на различных направлениях, узковедомственный взгляд на проблему при слабости механизмов координации военной политики — все это ярко проявлялось, например, в деятельности британского Адмиралтейства, сосредоточенного на идее о возможном столкновении с Японией на Дальнем Востоке и в этой связи с готовностью пошедшего на заключение англо-германского морского соглашения в 1935 г, которое, по оценке военно-морского атташе США в Париже, ни много ни мало «подорвало <...> основания мирного договора, как его видят во Франции»²¹.

Наличие угроз на различных, нередко отдаленных фронтах, что было характерно для стратегического положения СССР, также затрудняло определение главного врага. Как отмечают исследователи, в Кремле «только с середины 1930-х годов в качестве основных потенциальных противников стали рассматриваться Германия и Япония», причем последняя «вначале вызывала бóльшие опасения» [Миц, 2007: 80]. Даже летом 1939 г., по воспоминаниям командующего Ленинградским военным округом генерала К.А. Мерецкова, список «главных врагов социализма» оставался достаточно обширным и не сводился к Германии. Помимо последней в нем фигурировали Великобритания, Франция, США, Финляндия, страны Прибалтики²².

Безусловно, важную роль в оценке стратегической ситуации в 1930-е годы играл и идеологический фактор. Пример У. Черчилля, учитывая его роль в развитии идей «Второй тридцатилетней войны», особенно интересен. Будущий премьер-министр и в 1920-е годы предвидел возможность возрождения германской угрозы. Выступая в 1925 г. против предоставления гарантий безопасности Франции, он, тем не менее, не только предупреждал о потенциальной мощи Германии, считая, что она может нанести поражение на суше даже совместным англо-французским силам в эвентуальной войне («Англия, Франция и Россия — вот несомненный противовес германской мощи»), но и почти предсказывал будущее: «...если мы воздержимся от атаки на Германию до того, как она станет понастоящему сильной, мы обречем себя на ужасное предприятие»²³. Однако будущее сотрудничество в рамках антигитлеровской коалиции и последующие утверждения самого У. Черчилля не должны затенять другой факт: видение им ситуации в 1930-е годы опреде-

²¹ Report No. 69, 27 January 1937 // FDRL, PSF, Box 65, Documents B.

²² Мерецков К.А. На службе народу. М.: Политиздат, 1968. С. 171.

²³ CP 118 (25), French and Belgian Security, Memorandum by Churchill, February 24, 1925 // TNA, CAB 24/172.

лялось не только логикой «политического реализма» и противодействия германской угрозе («любой человек или государство, сражающиеся против нацизма, получают нашу помощь»²⁴) — антикоммунизм также был его важной составляющей. Как говорил У. Черчилль в Палате общин в 1937 г., «я не буду претендовать на то, что, если мне придется выбирать между коммунизмом и нацизмом, я выберу коммунизм» [цит. по: Carlton, 2001: 338].

Помимо субъективных факторов важно отметить и иное обстоятельство, с которым сталкивались руководители всех государств независимо от идеологии. Даже при констатации растущих рисков, связанных с германскими действиями, непросто было определить степень актуальности, которую стоило придавать угрозе, оценить момент, когда из потенциальной она окончательно превратилась в реальную и непосредственную. Так, военный атташе США в своих докладах из Берлина еще в мае 1935 г. отмечал, что «Германия переводит всю свою экономическую жизнь на военные рельсы», тем не менее было не до конца понятно, идет ли речь о планомерной подготовке к войне и готовности прибегнуть к ней для достижения своих внешнеполитических целей. В начале 1938 г. в Вашингтон по тому же каналу поступала следующая информация: «...Германия окончательно перевела свою экономику на военные рельсы, и, хотя само по себе это не означает неизбежности будущей войны, значение этого факта в том, что Германия намерена быть сильнейшей военной державой в Европе»²⁵.

Безусловно, проницательные и весьма точные оценки германской угрозы существовали. Крупный советский военный теоретик А.А. Свечин, еще в первой половине 1920-х годов изучая постверсальскую карту Европы, предполагал, что новая геополитическая ситуация «ставит Германию в физическую необходимость подготовки к наступательным операциям. Польша еще будет иметь возможность обдумать, как ей следует благодарить Францию за подарок Данцигского коридора, который обеспечивает Польше первенство по отношению к германскому удару»²⁶ [см. подробнее: Кокошин, 2013]. Ясным пониманием антисоветской направленности политики гитлеровской Германии проникнута статья М.Н. Тухачевского 1935 г., хотя он и полагал, что Берлин будет действовать против СССР в союзе с Польшей. Правка И.В. Сталиным рукописи статьи также показательна — он акцентировал тот факт, что герман-

²⁴ Из радиовыступления 22 июня 1941 г. Цит. по: Churchill W.S.C. The Second World War. Vol. 3. Boston: Houghton Mifflin Company, 1950. P. 332.

²⁵ Оpubл. в: Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 3. С. 147, 149.

²⁶ Свечин А.А. Стратегия. 2-е изд. М.: Военный вестник, 1927. С. 184.

ская ревизионистская политика угрожает не только Советскому Союзу: ее «антисоветское острие <...> является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на западе (Бельгия, Франция) и на юге (Познань, Чехословакия, аншлюс)»²⁷.

В Лондоне подкомитет по потребностям обороны империи, заседавший в 1933–1934 гг., определил Германию как главного потенциального врага Великобритании и призывал к масштабному перевооружению армии. Выводы подкомитета подверглись серьезной критике министра финансов Н. Чемберлена, расценивавшего предложенный объем военных расходов как чрезмерный и призывавшего усилить не армию, а ВВС, и во многом были пересмотрены [Neilson, 2003]. Тем не менее в 1935 г. Комитет начальников штабов подготовил подробный доклад, исходя из возможности войны с Германией и рассматривая различные варианты ее действий на Западном фронте (наиболее вероятным был назван широкий охватывающий удар через Голландию и Бельгию). Авторы доклада проанализировали ситуацию с потенциальными союзниками Великобритании, обозначив в качестве таковых Францию и Бельгию; США, как считалось, в войну не вмешаются; положение, при котором «Россия будет активным партнером [Германии]», рассматривалось как «худший вариант», на который пока не обращали внимания²⁸. Отнюдь не только идеология определяла и оценки Форин Офиса. В рамках внутренней дискуссии в апреле 1936 г., когда Р. Ванситтарт поставил вопрос: «Есть ли действительно разница в методах нацизма и коммунизма?», Р. Виграм, тесно связанный с У. Черчиллем, подчеркнул: «В том, что касается наших интересов, потенциальным агрессором в Западной Европе является Германия...» [цит. по: Neilson, 2006: 178–179]. Реализмом и глубиной анализа характеризовался и обзор 2-го бюро французского Генштаба 1936 г. В отличие от многих политиков, надеявшихся договориться с Гитлером, военные допускали, что «цели германской политики — это цели фюрера, на данный момент являющегося воплощением Германии. <...> Они были ясно определены в его знаменитой книге “Майн кампф”...»²⁹

Важно отметить, что приведенный разбор оценок стратегической ситуации в Европе в 1930-е годы напрямую связан с общим пониманием концепции «Второй тридцатилетней войны». Он ясно

²⁷ Рукопись статьи М.Н. Тухачевского «Военные планы Гитлера» с правкой И.В. Сталина // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 160–169.

²⁸ JP 105 (4th Revise), Defence Plans for the Event of War against Germany, Provisional Report, 31st October 1935 // TNA, CAB 55/7.

²⁹ Оупбл. в: Intelligence and national security. 2007. Vol. 22. No. 4. P. 540.

демонстрирует, что тезис о приоритете германской угрозы, эксплицитно или имплицитно подразумеваемый в рамках концепции, не отражает должным образом сложности и волатильности военно-политической обстановки предвоенного десятилетия. «Вторая тридцатилетняя война», очевидно, была интерпретацией *a posteriori*: в период Второй мировой войны, кто враг и откуда исходит главная угроза, стало достаточно очевидно для главных лиц, принимавших решения³⁰.

В настоящей статье основное внимание уделяется анализу политической трактовки «Второй тридцатилетней войны», однако необходимо кратко сказать и о ее экономической «ипостаси». Тезис о прямом влиянии политического урегулирования 1919–1920 гг. на последующую экономическую ситуацию относится к сильным сторонам разбираемой концепции. Ощущение, что экономика и политика все теснее переплетаются, было характерной чертой межвоенного периода. Показательно, что с этим соглашались современники рассматриваемых событий, стоявшие на самых разных идеологических позициях. В 1920-е годы А.А. Свечин писал о том, что «причины войн лежат в экономическом неравенстве»³¹, в начале следующего десятилетия ему вторил Р. Ванситтарт: «...большинство человеческих войн имеет экономические причины», если «мы предпишем исключительно политические лекарства для проблем современной Европы, мы рискуем сбить лишь внешние симптомы, а не выдернуть причины болезни с корнем»³².

Версальское урегулирование в Европе, в результате которого на обломках трех империй был создан целый ряд новых государств, часто враждебно настроенных друг к другу, не облегчило выстраивания стабильных экономических, финансовых и торговых связей между ними. У. Беверидж, в последующем автор известного плана по социальному страхованию (1942), в январе 1919 г. был британским представителем в Межсоюзной комиссии Антанты по помощи Австрии. Уже тогда в своем докладе в Лондоне он констатировал, что «распад Австро-Венгерской империи и оккупация ее различных частей союзными вооруженными силами <...> привели к экономическому хаосу. Территории, до этого составлявшие единое экономическое целое, зависящие друг от друга в отношении

³⁰ Хотя не стоит забывать о дискуссиях, продолжавшихся в Вашингтоне и после 1941 г., об относительной роли европейского и тихоокеанского театров военных действий, а также о некоторых представителях британского руководства, не исключавших сепаратного мира с Гитлером [см. об этом: Carlton, 2001].

³¹ Свечин А.А. Указ. соч. С. 31.

³² CP 317 (31), An Aspect of International Relations in 1931 by Vansittart, May 1931 // TNA, CAB 24/225.

поставок ключевых ресурсов, разделены теперь политическими границами или линиями зон военной оккупации, причем и те и другие имеют тенденцию превращаться в экономические барьеры»³³.

Однако и в экономической трактовке «Второй тридцатилетней войны» заметны «родимые пятна» концепции, отражавшие взгляд современников, который несколько упрощал картину межвоенного периода. Для экономистов и общественно-политических деятелей, еще в 1930-е годы критиковавших наступившую эру «экономического национализма», идеалом оставалось возвращение к довоенной ситуации, ассоциировавшейся с активным развитием международной торговли, незначительной ролью государства в экономической жизни и, как следствие, ее деполитизацией. В решении экономических проблем нередко (особенно в Вашингтоне) в 1930-е годы видели наиболее надежный путь к политической стабилизации. Как говорил в 1936 г. государственный секретарь США К. Хэлл, «я искренне верю, что наиболее надежный фундамент международного мира — это взаимовыгодная торговля между всеми государствами» [цит. по: Ермакова, 2014: 198]. Концепция «Второй тридцатилетней войны» была призвана подчеркнуть «ненормальность» периода после Первой мировой войны, характеризуемого чрезмерной политизацией экономических отношений между государствами.

Очевидно, однако, что преодоление экономических проблем после 1945 г. (с этим временем нередко сравнивают межвоенную ситуацию сторонники концепции «Второй тридцатилетней войны») было напрямую связано с международно-политическими процессами: резким усилением США и СССР, началом «холодной войны», послужившей явным стимулом к западноевропейской интеграции, а также, среди прочего, к милитаризации экономики и мощному развитию военно-промышленных комплексов. Именно политические процессы в Европе, ускорившие превращение США в глобального лидера западного мира, стали импульсом для американской помощи западноевропейским странам, которая сыграла весомую роль в их последующем экономическом развитии (план Маршалла). Никуда не исчез и критиковавшийся «экономический национализм», хотя он и принял иную форму. Заинтересованность Вашингтона в поддержании общей стабильности капиталистической системы трансформировала понимание подобного национализма, сделав из него мотор нового витка глобализации.

³³ GT 6768A, Inter-Allied Commission on Relief of Austria, Interim Report by British Delegate, January 17, 1919 // TNA, CAB 24/74.

При подобной постановке вопроса «Вторая тридцатилетняя война» 1914–1945 гг. предстает скорее как период смены глобального лидерства в западном мире: от Лондона оно перешло к Вашингтону. Как отмечал в своем классическом исследовании Великой депрессии американский историк Ч. Киндлбергер, «депрессия 1929 г. была столь широка, глубока и продолжительна по той причине, что международная экономическая система потеряла устойчивость в результате неспособности Великобритании и нежелания США взять на себя ответственность в деле ее стабилизации» [Kindleberger, 1973: 291].

Таким образом, анализ «политической» и «экономической» версий концепции «Второй тридцатилетней войны» демонстрирует, что ряд их тезисов не самым лучшим образом описывает действительную международную ситуацию в Европе на пути ко Второй мировой войне. Межвоенный период нельзя «опускать за скобки», видя во Второй мировой войне простое продолжение Первой³⁴ или прямое следствие Версальского урегулирования, игнорируя тем самым эволюцию международного порядка в Европе в 1920-е — начале 1930-х годов. Антигерманское содержание, вкладывавшееся рядом современников в идею «Второй тридцатилетней войны», не отражает сложной палитры оценок и расчетов 1930-х годов, в рамках которых германская угроза отнюдь не всегда была приоритетной. В рамках «экономической» трактовки стоит больше внимания уделить тесной взаимосвязи экономических и политических факторов. При подобном ракурсе «Вторая тридцатилетняя война» может предстать не столько нарушением в развитии западного мира, сколько закономерным этапом нестабильности в условиях смены глобального лидерства.

Подведем итоги. В целом «Вторая тридцатилетняя война», как и любая концепция, предлагающая свою хронологию событий и выявляющая их характерные черты, затеняет одни моменты, высвечивая иные. Международная ситуация в Европе в межвоенный период по целому ряду аспектов была сложнее, нежели хотели показать сторонники концепции «Второй тридцатилетней войны». Вместе с тем базовый тезис как «политической», так и «экономической» ее версий — относительная цельность периода 1914–1945 гг. — имеет свою эвристическую ценность. Сложно отрицать, что мир-

³⁴ Тезис о преемственности и сходстве между политикой Германской империи и Третьего рейха не рассматривался в данной работе (как сюжет преимущественно германской истории), однако сложно не согласиться с исследователями, отмечающими, что, несмотря на ряд схожих моментов, доминируют различия [Kramer, 2007: 328–336].

ное урегулирование после Первой мировой войны не привело к долговременной стабилизации, потенциал международной стабильности оказался недостаточным для предотвращения нового колоссального конфликта. Если конкретные тезисы об историческом развитии Европы в 1914–1945 гг., подразумеваемые в рамках идей «Второй тридцатилетней войны», могут быть оспорены, то особость данного периода в истории XX в. не вызывает сомнений. В «сцепке» с иными концептуальными инструментами (например, тезисами о «тотализации» войны) концепция «Второй тридцатилетней войны» может принести свои плоды. Нельзя не отметить и ее относительное преимущество перед более идеологизированными концепциями, такими как развивавшаяся германским историком Э. Нольте идея «европейской гражданской войны» 1917–1945 гг. [Nolte, 1987], в рамках которой критика большевизма де-факто использовалась как средство оправдания общего кризиса в Европе, появления фашизма, нацизма и др.

Аналитический разбор концепции «Второй тридцатилетней войны» высвечивает и ряд потенциальных направлений дальнейших исследований международных отношений межвоенного времени. Некоторые слабые стороны этой концепции, рождавшейся как вариант осмысления событий *a posteriori*, указывают на необходимость избегать элементов телеологии при изучении международной ситуации 1930-х годов. Как представляется, свой смысл есть в том, чтобы анализировать эти события, словно не зная о том, что произойдет далее, выявляя всю сложность конкретного момента изнутри. Внутренняя неоднородность концепции «Второй тридцатилетней войны», представленной нечасто пересекающимися «политической» и «экономической» версиями, свидетельствует о сохраняющейся актуальности создания истории межвоенного периода, которая бы тесно интегрировала анализ политического и экономического трендов развития [один из недавних примеров — Воусе, 2009]. Наконец, концепция демонстрирует плодотворность выхода за традиционные хронологические и страновые рамки исследований. На наш взгляд, ученым еще есть о чем поразмышлять, соотнеся, например, «Вторую тридцатилетнюю войну» с понижательной волной 3-го большого цикла кондратьевских волн (начиная с периода 1914–1920 гг.) [Кузьменко, 2012: 162], выявив причины, объясняющие особую разрушительность данного периода по сравнению с иными понижательными волнами (к примеру, во 2-м большом цикле — с 1870–1875 до 1890–1896 гг.). В целом концепция «Второй тридцатилетней войны» явно указывает на то, что глобальная история 1914–1945 гг. требует создания глобальных

исторических работ, на ценность саморефлексии и анализа историками своей «привязанности» идеям, сформулированным еще свидетелями и участниками событий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахтамзян А.А. Профили рапальской дипломатии (очерки). М.: МГИМО-Университет, 2009.
2. Ермакова М.А. Проблема международной безопасности во франко-американских отношениях (1933–1938 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2014.
3. Карой Л. Великобритания и Локарно. М.: Издательство ИМО, 1961.
4. Кокосин А.А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. М.: Издательство Московского университета, 2013.
5. Кузьменко В.П. Система экономических циклов и глобальный финансовый кризис // Кондратьевские волны. Аспекты и перспективы / Под ред. А.А. Акаева и др. Волгоград: Учитель, 2012. С. 156–178.
6. Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / Под ред. М.М. Наринского, С. Дембского. М.: Аспект-Пресс, 2009.
7. Минц М.М. Будущая война в представлениях военно-политического руководства СССР в 1927–1941 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2007.
8. Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность: Материалы международной научной конференции: Москва, 15–16 октября 2008 г. / Под ред. Н.С. Лебедевой, М. Волоса. М.: ИВИ РАН, 2009.
9. Наринский М.М. Отношения между СССР и Францией. 1933–1937 год // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы / Под ред. А.Ю. Мельвиля, М.М. Наринского, А.О. Чубарьяна. М.: МГИМО-Университет, 2003. С. 69–103.
10. Наумов А.О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2007.
11. Романова Е.В. Планы держав-победительниц и мировые реалии // Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. М.: МГУ, 2014. С. 445–459.
12. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век, 1914–1991. М., 2004.
13. Шацилло В.К. Проблема изменения территориальных границ Германии по итогам Версальского мира // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. / Отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 34–41.
14. Varièty J. Les relations franco-allemandes après la première guerre mondiale. Paris: Pedone, 1977.
15. Boyce R. The Great interwar crisis and the collapse of globalization. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.
16. Broadberry S., O'Rourke K.H. Introduction // The Cambridge economic history of modern Europe. Vol. 2 / Ed. by S. Broadberry, K.H. O'Rourke. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 1–2.

17. Broch L., Carrol A. Introduction // France in the era of global war, 1914–1945: occupation, politics, empire and entanglements / Ed. by L. Broch, A. Carrol. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. P. 1–10.
18. Carley M.J.C. A Soviet eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940 // *Diplomacy & Statecraft*. 2006. Vol. 17. No. 2. P. 295–346.
19. Carlton D. Churchill and the two ‘evil empires’ // *Transactions of the Royal Historical Society. Sixth Series*. 2001. Vol. 11. P. 331–351.
20. Chevènement J.-P. La place de l’Europe dans le monde: d’hier à demain // *Politique étrangère*. 2014. No. 1. P. 131–143.
21. Crouzet F. Histoire de l’économie européenne. 1000–2000. Paris: Albin Michel, 2000.
22. Dessberg F. The Versailles peace settlement and the collective security system // *A companion to World War II* / Ed. by T. Zeiler, D. Du Bois. Oxford: Wiley-Blackwell, 2013. P. 29–46.
23. Duroselle J.-B. Politique étrangère de la France. La décadence 1932–1939. Paris: Imprimerie nationale, 1979.
24. Dutton D. Austen Chamberlain: gentleman in politics. Bolton: Ross Anderson, 1985.
25. Echterkamp J. 1914–1945: A second Thirty years war? Advantages and disadvantages of an interpretive category // *Imperial Germany revisited: continuing debates and new perspectives* / Ed. by C. Torp, S.O. Muller. New York: Berghahn Books, 2013. P. 189–201.
26. Feinstein C.H., Temin P., Toniolo G. The world economy between the wars. Oxford: Oxford University Press, 2008.
27. Girault R., Frank R. Turbulente Europe et nouveaux mondes, 1914–1941. Paris: Payot & Rivages, 2004.
28. Gray C.S. War, peace and international relations: an introduction to strategic history. London: Routledge, 2007.
29. Grayson R.S. Austen Chamberlain and the commitment to Europe: British foreign policy, 1924–1929. 2nd ed. London: Routledge, 2013.
30. Jackson P. Beyond the balance of power: France and the politics of national security in the era of the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
31. Kershaw I. Europe’s second Thirty years war // *History Today*. 2005. Vol. 55. No. 9. P. 10–17.
32. Kindleberger C.P. The world in depression, 1929–1939. Berkeley: University of California Press, 1973.
33. Kramer A. Dynamic of destruction: culture and mass killing in the First World War. Oxford: Oxford University Press, 2007.
34. Lagrou P. Between Europe and the nation: the inward turn of contemporary historical writing // *Conflicted memories: Europeanizing contemporary histories* / Ed. by K.H. Jarausch, T. Lindenberger. New York: Berghahn Books, 2007. P. 69–95.
35. Martel G. Military planning and the origins of the Second World War // *Military planning and the origins of the Second World War* / Ed. by B.J.C. McKercher, R. Legault. Westport: Praeger, 2001. P. 11–35.

36. Mayer A.J. Why did the heavens not darken? The 'final solution' in history. New York: Pantheon, 1988.
37. Medick H. The Thirty years' war as experience and memory: contemporary perceptions of a macro-historical event // Enduring loss in early modern Germany: cross disciplinary perspectives / Ed. by L. Tatlock. Leiden: Brill, 2010. P. 25–49.
38. Montbrial T. de. L'action et le système du monde. Paris: Presses universitaires de France, 2002.
39. Muller A. La seconde guerre de trente ans, 1914–1945. Bruxelles: Edition Universelle, 1947.
40. Müller K.-J. Les deux tentatives de la politique extérieure allemande, de Bismarck à nos jours // Vingtième siècle. 1990. Vol. 27. No. 1. P. 15–26.
41. Neilson K. Britain, Soviet Russia and the collapse of the Versailles order, 1919–1939. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
42. Neilson K. The Defence Requirements Sub-Committee, British strategic foreign policy, Neville Chamberlain and the path to appeasement // English Historical Review. 2003. Vol. 118. No. 477. P. 651–684.
43. Nolte E. Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus. Berlin: Propyläen Verlag, 1987.
44. The origins of the Second World War reconsidered: The A.J.P. Taylor debate after twenty-five years / Ed. by G. Martel. London: Allen & Unwin, 1986.
45. The origins of World War Two. The debate continues / Ed. by R. Boyce, J.A. Maiolo. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.
46. Patel K.K. In search of a transnational historicization: national socialism and its place in history // Conflicted memories: Europeanizing contemporary histories / Ed. by K.H. Jarausch, T. Lindenberger. New York: Berghahn Books, 2007. P. 96–116.
47. Pond E. The rebirth of Europe. 2nd ed. Washington: The Brooking Institution, 2002.
48. Reynolds D. In command of history: Churchill fighting and writing the Second World War. New York: Random House, 2005.
49. Schultze-Rhonhof G. Der zweite Dreißigjährige Krieg [Audio-CD]. Polar Film Medien GmbH, 2006.
50. Soutou G.-H. L'Europe de 1815 à nos jours. Paris: Presses universitaires de France, 2007.
51. Taylor A. The origins of the Second World War. London, Toronto: Hamish Hamilton, 1961.
52. Vasquez J.A. The war puzzle. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
53. Weinberg G. Hitler's foreign policy 1933–1939: the road to World War II. New York: Enigma Books, 2010.
54. A world at total war: global conflict and the politics of destruction, 1937–1945 / Ed. by R. Chickering, S. Förster, B. Greiner. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
55. Wright J. Germany and the origins of the Second World War. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.

**SECOND THIRTY YEARS WAR OF 1914–1945?
SOME FEATURES OF INTERNATIONAL RELATIONS
ON THE WAY TO THE SECOND WORLD WAR**

*Moscow State Institute for International Relations (University)
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454*

The paper provides a critical analysis of the ‘second Thirty years war’ concept, which is widely used in the Western historiography. The author emphasizes that there is still no clear definition of this concept. To fill this gap in the first section of the paper the author examines the origins of the ‘second Thirty years war’ concept and outlines two main approaches to its definition: political and economic. The former concentrates on the intricacies of the interwar international relations, the latter – on the economic aspects of the post-WWI settlement. In the second section the author examines the key trends of the interwar international relations, including the appeasement policy, projects of establishment of collective security system, and military-political planning of the great powers. The author comes to the conclusion that both approaches to the ‘second Thirty years war’ concept lead to unjustified simplification of the interwar international relations. However, the main idea behind this concept – the idea that the two world wars should be treated as a special, integral historical phenomenon – is very promising and opens up new opportunities for comprehensive interdisciplinary research.

Keywords: Second World War, ‘second Thirty years war’, interwar period, Churchill, Locarno treaties, Versailles treaty, Great depression, Munich agreement, military-political planning, ‘appeasement’ policy.

About the author: *Iskander E. Magadeev* – PhD (History), Senior Lecturer, Department of European and American Studies, School of International Relations, MGIMO-University (e-mail: iskander2017@yandex.ru).

REFERENCES

1. Akhtamzyan A.A. 2009. *Profili rapall'skoi diplomatii (ocherki)* [Profiles of Rapallo diplomacy (essays)]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)
2. Ermakova M.A. 2014. *Problema mezhdunarodnoi bezopasnosti vo franko-amerikanskikh otnosheniyakh (1933–1938 gg.)* [The problem of international security in the Franco-American relations (1933–1938)]: Diss. ... kand. ist. nauk [Ph.D. Dissertation]. Moscow, Moscow University Publ. (In Russ.)
3. Karoi L. 1961. *Velikobritaniya i Lokarno* [Great Britain and Locarno]. Moscow, Izdatel'stvo IMO. (In Russ.)
4. Kokoshin A.A. 2013. *Vydayushchiysya otechestvennyi voennyi teoretik i voenachal'nik Aleksandr Andreevich Svechin* [Prominent Russian military theorist and commander Alexander Andreevich Svechin]. Moscow University Press. (In Russ.)

5. Kuz'menko V.P. 2012. Sistema ekonomicheskikh tsiklov i global'nyi finansovyi krizis [System of economic cycles and the global financial crisis]. In Akaev A.A. et al. (eds.). *Kondrat'evskie volny. Aspekty i perspektivy* [Kondratiev waves. Aspects and perspectives]. Volgograd, Uchitel' Publ., pp. 156–178. (In Russ.)

6. Lebedeva N.S., Volos M. (eds.). 2009. *Myunkhenskoe soglasenie 1938 g.: istoriya i sovremennost'*. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: Moskva, 15–16 oktyabrya 2008 g.* [Munich agreement of 1938: past and present. Proceedings of the international scientific conference. Moscow, 15–16 October 2008]. Moscow, IVI RAN Publ. (In Russ.)

7. Mints M.M. 2007. *Budushchaya voina v predstavleniyakh voenno-politicheskogo rukovodstva SSSR v 1927–1941 gg.* [The future war in the Soviet military-political leadership's views in 1927–1941]: Diss. ... kand. ist. nauk [Ph.D. Dissertation]. Moscow, RGGU Publ. (In Russ.)

8. Narinskii M.M. 2003. Otnosheniya mezhdru SSSR i Frantsiei. 1933–1937 god [Relations between the USSR and France, 1933–1937]. In Mel'vil' A.Yu., Narinskii M.M., Chubar'yan A.O. (eds.). *SSSR, Frantsiya i evolyutsiya Evropy v 30-e gody* [USSR, France and the evolution of Europe in the 1930s]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ, pp. 69–103. (In Russ.)

9. Narinskii M.M., Dembskii S. (eds.). 2009. *Mezhdunarodnyi krizis 1939 goda v traktovkakh rossiiskikh i pol'skikh istorikov* [International crisis of 1939 in interpretations of Russian and Polish historians]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

10. Naumov A.O. 2007. *Diplomaticheskaya bor'ba v Evrope nakanune Vtoroi mirovoi voiny* [Diplomatic struggle in Europe on the eve of the Second World War]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

11. Romanova E.V. 2014. Plany derzhav-pobeditel'nits i mirovye realii [Plans of victorious powers and international realities]. In Belousov L.S., Manykin A.S. (eds.). *Pervaya mirovaya voina i sud'by evropeiskoi tsivilizatsii* [First World War and the destiny of European civilization]. Moscow, pp. 445–459. (In Russ.)

12. Khobsbaum E. 2004. *Epokha krainostei. Korotkii dvadtsatyi vek, 1914–1991* [The age of extremes: the short twentieth century, 1914–1991]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ. (In Russ.)

13. Shatsillo V.K. 2011. Problema izmeneniya territorial'nykh granits Germanii po itogam Versal'skogo mira [The problem of Germany's borders revision following the results of the Versailles treaty]. In Sergeev E.Yu. (ed.). *Versal'sko-Vashingtonskaya mezhdunarodno-pravovaya sistema: vozniknovenie, razvitiye, krizis, 1919–1939 gg.* [Versailles-Washington international and legal system: emergence, development, crisis, 1919–1939]. Moscow, IVI RAN Publ, pp. 34–41. (In Russ.)

14. Barièty J. 1977. *Les relations franco-allemandes après la première guerre mondiale*. Paris, Pedone.

15. Boyce R., Maiolo J.A. (eds.). 2003. *The origins of World War Two. The debate continues*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.

16. Boyce R. 2009. *The great interwar crisis and the collapse of globalization*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.

17. Broadberry S., O'Rourke K.H. 2010. Introduction. In Broadberry S., O'Rourke K.H. (eds.). *The Cambridge economic history of modern Europe*. Vol. 2. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 1–2.
18. Broch L., Carrol A. 2014. Introduction. In L. Broch, A. Carrol (eds.). *France in the era of global war, 1914–1945: occupation, politics, empire and entanglements*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, pp. 1–10.
19. Carley M.J.C. 2006. A Soviet eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 17, no. 2, pp. 295–346.
20. Carlton D. 2001. Churchill and the two 'evil empires'. *Transactions of the Royal Historical Society*, sixth series, vol. 11, pp. 331–351.
21. Chevènement J.-P. 2014. La place de l'Europe dans le monde: d'hier à demain. *Politique étrangère*, no. 1, pp. 131–143.
22. Chickering R., Förster S., Greiner B. (eds.). 2005. *A world at total war: global conflict and the politics of destruction, 1937–1945*. Cambridge, Cambridge University Press.
23. Crouzet F. 2000. *Histoire de l'économie européenne. 1000–2000*. Paris, Albin Michel.
24. Dessberg F. 2013. The Versailles peace settlement and the collective security system. In Zeiler T., Du Bois D. (eds.). *A companion to World War II*. Oxford, Wiley-Blackwell, pp. 29–46.
25. Duroselle J.-B. 1979. *Politique étrangère de la France. La décadence 1932–1939*. Paris, Imprimerie nationale.
26. Dutton D. 1985. *Austen Chamberlain: gentleman in politics*. Bolton, Ross Anderson.
27. Echternkamp J. 2013. 1914–1945: a second Thirty years war? Advantages and disadvantages of an interpretive category. In Torp C., Muller S.O. (eds.). *Imperial Germany revisited: continuing debates and new perspectives*. New York, Berghahn Books, pp. 189–201.
28. Feinstein C.H., Temin P., Toniolo G. 2008. *The world economy between the wars*. Oxford, Oxford University Press.
29. Girault R., Frank R. 2004. *Turbulente Europe et nouveaux mondes, 1914–1941*. Paris, Payot & Rivages.
30. Gray C.S. 2007. *War, peace and international relations: an introduction to strategic history*. London, Routledge.
31. Grayson R.S. 2013. *Austen Chamberlain and the commitment to Europe: British foreign policy, 1924–29*. 2nd ed. London, Routledge.
32. Jackson P. 2013. *Beyond the balance of power: France and the politics of national security in the era of the First World War*. Cambridge, Cambridge University Press.
33. Kershaw I. 2005. Europe's second Thirty years war. In *History Today*, vol. 55, no. 9, pp. 10–17.
34. Kindleberger C.P. 1973. *The world in depression, 1929–1939*. Berkeley, University of California Press.
35. Kramer A. 2007. *Dynamic of destruction: culture and mass killing in the First World War*. Oxford, Oxford University Press.
36. Lagrou P. 2007. Between Europe and the nation: the inward turn of contemporary historical writing. In Jarausch K.H., Lindenberger T. (eds.). *Conflicted*

Memories: Europeanizing Contemporary Histories. New York, Berghahn Books, pp. 69–95.

37. Martel G. (ed.). 1986. *The origins of the Second World War reconsidered: the A.J.P. Taylor Debate after twenty-five years*. London, Allen & Unwin Publ.

38. Martel G. 2001. Military planning and the origins of the Second World War. In McKercher B.J.C., Legault R. (eds.). *Military planning and the origins of the Second World War*. Westport, Praeger, pp. 11–35.

39. Mayer A.J. 1988. *Why did the heavens not darken? The 'final solution' in history*. New York, Pantheon.

40. Medick H. 2010. The Thirty years' war as experience and memory: contemporary perceptions of a macro-historical event. In Tatlock L. (ed.). *Enduring loss in early modern Germany: cross disciplinary perspectives*. Leiden, Brill, pp. 25–49.

41. Montbrial T. de. 2002. *L'action et le système du monde*. Paris, Presses universitaires de France.

42. Muller A. 1947. *La seconde guerre de trente ans, 1914–1945*. Bruxelles, Edition Universelle.

43. Müller K.-J. 1990. Les deux tentatives de la politique extérieure allemande, de Bismarck à nos jours. *Vingtième siècle*, vol. 27, no. 1, pp. 15–26.

44. Neilson K. 2003. The Defence Requirements Sub-Committee, British strategic foreign policy, Neville Chamberlain and the path to appeasement. *English Historical Review*, vol. 118, no. 477, pp. 651–684.

45. Neilson K. 2006. *Britain, Soviet Russia and the collapse of the Versailles order, 1919–1939*. Cambridge, Cambridge University Press.

46. Nolte E. 1987. *Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus*. Berlin, Propyläen Verlag.

47. Patel K.K. 2007. In search of a transnational historicization: national socialism and its place in history. In Jarausch K.H., Lindenberger T. (eds.). *Conflicted memories: Europeanizing contemporary histories*. New York, Berghahn Books, pp. 96–116.

48. Pond E. 2002. *The rebirth of Europe*. 2nd ed. Washington, The Brookings Institution.

49. Reynolds D. 2005. *In command of history: Churchill fighting and writing the Second World War*. New York, Random House.

50. Schultze-Rhonhof G. 2006. *Der zweite Dreißigjährige Krieg* [Audio-CD]. Polar Film Medien GmbH.

51. Soutou G.-H. 2007. *L'Europe de 1815 à nos jours*. Paris, Presses universitaires de France.

52. Taylor A. 1961. *The origins of the Second World War*. London, Toronto, Hamish Hamilton.

53. Vasquez J.A. 1993. *The war puzzle*. Cambridge, Cambridge University Press.

54. Weinberg G. 2010. *Hitler's foreign policy 1933–1939: the road to World War II*. New York, Enigma Books.

55. Wright J. 2007. *Germany and the origins of the Second World War*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.